

4. *Dialog. Teoreticheskie problemy i metody issledovanija* [Dialogue. Theoretical problems and research methods]. Moscow, Nauka publ., 1991, 348 p.
5. Kolokol'ceva T. N. *Specificheskie kommunikativnye edinicy dialogicheskoj rechi* [Specific communicative units of dialogical speech]. Saratov, 2001, 363 p.
6. Mar'janchik V. A. *Dialog: modal'nye ramki i modal'nye skrepy* [Dialogue: modal frame modal and buckles]. *Russkaja grammatika 4.0* [Russian grammar 4.0]. Ed. by V.G. Kostomarov. Moscow, Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. Pushkina publ., 2016, pp. 468–471.
7. Minaeva Ju. V. *Kommunikativno-pragmaticheskaja specifika predlozhenij s vstavnymi kom-ponentami v sovremennom nemeckom jazyke* [Communicative-pragmatic specifics of offers plug-in components in the modern German language]. *Jazyk, kul'tura, kommunikacija: izuchenie i obuchenie* [Language, culture, and communication: studying and teaching]. Orel, OGU publ., 2016, pp. 227–231.
8. Fadeeva L. V. *Metodicheskie principy izuchenija ustnoj rechi* [Methodological principles of studying of oral speech]. *Slovo nemeckoe i russkoe: aspekty izuchenija* [The word German and Russian: aspects of the study]. Moscow, MPGU publ., 2005, pp. 362–366.
9. Fadeeva L. V. *Parenteza v nemeckoj ustnoj dialogicheskoj rechi (na materiale mangejmskogo korpusa)* [Parentese in German oral dialogical speech (on the material of the Mannheim case)]. Astrakhan, AGU publ., 2005, 244 p.
10. Fadeeva L. V. *Tipologija dialogicheskikh diskursov i ih jeksperimental'noe issledovanie v sovremennoj lingvistike* [Typology of dialogical discourses and experimental research in modern linguistics]. *Kul'tura kak tekst* [Culture as text]. Moscow, IJa RAN publ., Smolensk, SGU publ., 2008, issue 8, pp. 160–170.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, e-mail: chumak@bsu.edu.ru.

В статье речь идет об актуальной в современной лингвистике проблеме разграничения текста и дискурса. Особые свойства поэтической коммуникации определяют и особые характеристики этого соотношения. Информации, заложенной в поэтическом тексте, достаточно для того, чтобы акт коммуникации осуществился: поэтический текст сложнее поэтического дискурса, однако не равен дискурсу. Это подтверждает обращение к фрагменту романа Достоевского «Идиот», в котором изображен акт поэтической коммуникации.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтический дискурс, обобщенность и обезличенность поэтической речи, коммуникация

POETIC TEXT AND POETIC DISCOURSE: TO THE LIMITATION OF CONCEPTS

Chumak-Zhun Irina I., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Belgorod State National Research University, 308007, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya st., e-mail: chumak@bsu.edu.ru.

The article deals with the problem of delimiting text and discourse, which is topical in modern linguistics. The special characteristics of this relationship also determine the special properties of poetic communication. The information contained in the poetic text is sufficient for the act of communication to be realized: the poetic text is more complex than the poetic discourse, but it is not equal to the

discourse. This confirms the reference to a fragment of Dostoevsky's novel *The Idiot*, which depicts an act of poetic communication.

Keywords: poetic text, poetic discourse, generalization and depersonalization of poetic speech, communication

В лингвистических работах последних лет традиционно утверждается, что основное отличие текста и дискурса заключается в том, что дискурс предполагает событийный аспект. Поэтический (лирический) текст также включает в свернутом виде сигналы для дешифровки коммуникативного акта. Обобщенная обезличенность, характерная для лирических текстов, объясняется не только установкой на классичность, свойственной, по мнению М.Я. Дымарского, русской литературе в целом [1, с. 45]. Максимальная степень обобщенности в данном случае обусловлена тем, что для лирики важна передача душевного переживания, а не конкретной изображаемой ситуации. Т.И. Сильман в работе «Заметки о лирике» пишет: «...специализируясь на передаче самых конкретных форм душевной жизни (притом в ее наиболее интенсивных стадиях) от имени самого носителя переживания, лирика по изначальной своей установке безымянна. Лирическому герою, исходя из глубины и конкретной единичности изображаемой ситуации, нет надобности называть ни себя, никого бы то ни было из участников лирического сюжета по имени» [2, с. 38]. Превращение лирического субъекта в некое «лирическое инкогнито» ведет к обобщенному изображению героя лирического стихотворения, к углублению интроспекции. Отрыв от личности поэта, от конкретных имен и персонажей обозначает их объективацию, перенесение в «надконкретную ситуацию» [2, с. 38].

Эта обобщенность и обезличенность лирического жанра является не только необходимым условием возникновения лирического стихотворения, но и необходимым условием его восприятия, т.е. связана также с функционированием лирического произведения. Лирическое стихотворение – это душевное открытие (душевный сдвиг – Сильман), обогащающее внутренний мир читателя душевным переживанием. И это душевное открытие не может быть привязано к конкретным деталям биографии поэта, в противном случае, читателю трудно будет воспринимать его как нечто лично к нему относящееся, как должен быть лично обращен к читателю поэтический текст. Лирика «дает некое отношение в его чистом, обнаженном виде, причем, схваченное в своей наиболее обобщенной сущности, оно, это отношение, оказывается непреходящим». «Эмпирические детали, их дозировка диктуется только требованиями лирического сюжета» [2, с. 38]. Точное обозначение места может явиться такой эмпирической деталью, которая вносит излишнюю, ненужную, противопоказанную лирическому жанру конкретизацию.

Так, для восприятия философского смысла стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день ...») вполне достаточно тех «указателей», того схематичного «чертежа» хронотопа, которые оно содержит. Стилистически возвышенное обобщенно-метафорическое описание места (*немые стогны града*) и времени описываемых событий (*когда для смертного умолкнет шумный день; полупрозрачная наляжет ночи тень*) – это описание именно того места и того времени (любая ночь и любой затихший ночной город), когда человек может испытывать ощущения, подобные ощущениям лирического героя, мучительно размышляющего о своей жизни, о прошлом. Постигание этого переживания, описанное поэтом, предлагается и воспринимается, несмотря на использование перволичного местоимения, как некий обобщенный вариант: *В то время для меня влачатся в тишине Часы томительного бденья: В бездействии ночном живей горят во мне Змеи сердечной угрызенья....* Для читателя важны не конкретные детали обстановки, а «душевный сдвиг» героя, являющийся толчком к его (чи-

тателя) личным переживаниям. Этого достаточно для реализации коммуникативной цели, т.е. для понимания, причем коммуникация может осуществиться даже тогда, когда читателю не все в стихотворении понятно. Так, философ В.В. Розанов в «Опавших листьях» передает восприятие пушкинского «Воспоминания» двумя читателями – им самим и его маленькой дочкой. И в том, и в другом случае описываемая острота восприятия оказывается связанной именно с обобщенностью текста. В сознании Розанова стихотворение ассоциируется с молитвой: «Когда для смертного умолкнет шумный день... одинаково с 50-м псалмом («Помилуй мя, Боже»). Так же велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда» [3, с. 213]. Необходимость сопереживания кому-то (конечно, не конкретному поэту – А.С. Пушкину) он отмечает в восприятии девочки: «Я чувствовал, что слова «стогна» и «бденья» – смутны бедной девочке: и если, в какой-то непонятной тревоге, она затвердила довольно трудные по длине строки, то – привлекаемая тайной мукой, сокрытой в строках, кого-то жалея в этих строках, с кем-то ответно разделяясь в этих строках душой» [3, с. 213].

Итак, информации, заложенной в поэтическом тексте, достаточно для того, чтобы осуществился акт коммуникации, и это совпадает с выводом М.Я. Дымарского: как и любой художественный текст, поэтический текст сложнее дискурса. Однако поэтический текст не равен дискурсу. Дискурс является обязательным фактором производства текста как конечного результата процесса речевой деятельности – это системный субстрат, когнитивно-коммуникативное образование, связанное с реальным речеобразованием, созданием речевого произведения. Дискурс в филогенезе предшествует тексту и существует в текстах, но таких, «за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, – в конечном счете – особый мир» [4, с. 44–45] – мир поэзии. Понятие «дискурс» предстает как сложное коммуникативное явление, не только связанное с актом создания определенного текста, но и как явление, обнаруживающее связь со значительным количеством экстралингвистических факторов – знаний о мире, намерений, установок и конкретных целей говорящего, который является создателем текста. Текст является не только зафиксированным сообщением, но и сложным целым, находящимся на пересечении вне- и внутритекстовых связей. Как объект статичный, постоянный, он включается в мощное энергетическое поле – дискурсивную среду, одну из составляющих поэтического дискурса как системы. Текст выступает как единство коммуникативных элементов, функционально объединенных общей интенцией автора в иерархически структурированный комплекс. Поэтический дискурс обозначает не отдельное конкретное коммуникативное событие, а коммуникативное событие как интегративную совокупность отдельных коммуникативных актов, результатом которого является когнитивно-прагматическая общность многих текстов.

Общие дискурсивные закономерности, которые существуют для всех поэтических текстов, как в капле воды, отражаются в каждом отдельном событии текста – в каждом акте поэтической коммуникации. В качестве иллюстрации этого положения можно предложить фрагмент из романа Фёдора Михайловича Достоевского «Идиот», в котором описана именно коммуникативная ситуация – знакомство с пушкинским поэтическим текстом. В этом эпизоде гости князя Мышкина знакомят Елизавету Прокофьевну Епанчину со стихотворением А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...».

В нашем случае это коммуникативное событие, которое осмыслено не автором (А.С. Пушкиным), а коммуникативным посредником – Аглаей. В дискурсивном пространстве поэтического текста выделяются (1) когнитивный аспект – ментальное пространство, т.е. элемент сознания языковой личности; (2) коммуникативно-прагматический аспект – пространство, не замкнутое внутри непосредственной данности поэтического текста, а связанное с условиями его создания, целями и задачами; (3) лингвокультурный аспект – пространство, связанное с соответствующим интертекстом.

Все эти составляющие дискурсивного пространства можно проследить на примере интерпретации Аглаи.

1. Когнитивный аспект. Она высказывает мнение о герое стихотворения и свое отношение к нему: *глубокое уважение*. Излагая свое понимание текста, она последовательно выстраивает собственную структуру внутритекстового концепта «Любовь». Герой – человек, 1) способный *иметь идеал*, 2) поверить ему, 3) отдать ему всю свою жизнь. Любовь соответственно – герой и его идеал, вера, преданность.

2. Коммуникативный аспект. Трансформация концепта, в данном случае, связана со спецификой интерпретации, обусловленной не только когнитивными структурами говорящего, но и его прагматическими интенциями. Неоднократно подчеркивая свою мысль о том, что идеал рыцаря в стихотворении не определен; заполняя вакуум теми намеками, которые дает текст (четки, буквы А.Н.Д., которые начертаны на щите), Аглая, однако три раза повторяет, что идеал этот – «образ чистой красоты». Именно в этот момент Аглая производит подстановку (подтасовку) и представляет свои знания как текстовую информацию, а ведь в тексте ни слова не говорится о красоте видения. Дело в том, что, формально объясняя смысл стихотворения матери, фактически она выражает своё понимание отношения князя к Настасье Филипповне. В соответствии с этими намерениями она трансформирует текст – вместо букв А.М.Д. при чтении стихотворения использует Н.Ф.Б.

3. Этими же прагматическими обоснованиями можно объяснить и использование интертекстуальных вкраплений – очень убедительно звучит как подтверждение теории Аглаи видоизменённая цитата из Пушкина «образ чистой красоты» и трактовка образа «рыцаря бедного» с помощью прецедентного имени *Дон Кихот*. Таким образом, структура текстового концепта «Любовь», которая существует в сознании Аглаи, не совпадает со структурой концепта, которая представлена в тексте. Появляются смыслы 'чистая красота' (по отношению к идеалу), 'аскетизм', исчезает смысл 'святая'.

4. Когнитивный аспект восприятия поэтического текста (текстовый концепт) может меняться и в сознании одного человека. Наглядной иллюстрацией высказанного положения является разное понимание внутритекстового концепта «Любовь» в различных интерпретациях. Важны в данном случае слова Аглаи о том, что сначала она не понимала и смеялась с рыцаря бедного, а теперь его полюбила. Концепт видоизменяется и в её сознании – он имел смысл 'неправдоподобная', 'смешная'.

5. Интерпретация текста напрямую связана со спецификой конкретной языковой личности, степень сформированности поэтического концепта прямо влияет на интерпретацию поэтического текста. Вот реакция слушающих на подмену букв в поэтическом тексте. *Лизавета Прокофьевна, конечно, не поняла и не заметила ни подмены букв, ни намёка. Генерал Иван Фёдорович понял только, что декламировали стихи. Из остальных слушателей очень многие поняли и удивились и смелости выходки, и намерению, но смолчали и старались не показывать виду.*

Таким образом, этот фрагмент наглядно демонстрирует, что дискурсивное пространство – это осмысленное языковой личностью и представленное в тексте коммуникативное событие, которое актуализируется речевым сознанием как ассоциативно-образный фрагмент поэтической коммуникации.

Список литературы

1. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) / М. Я. Дымарский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
2. Сильман Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. – Л. : Советский писатель, 1977. – 224 с.
3. Розанов В. В. Уединенное / В. В. Розанов. – М. : Политиздат, 1990. – 541 с.

4. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М. : РГГУ, 1995. – С. 35–73.

References

Dymarskij M. Ja. *Problemy tekstoobrazovanija i hudozhestvennyj tekst (na materiale rus-skoj prozy XIX-XX vv.)* [Problems of text formation and the literary text (on the material of Russian prose XIX-XX centuries)]. Moscow, Jeditorial URSS publ., 2001, 328 p.

2. Sil'man T. I. *Zametki o lirike* [Notes about the lyrics]. Leningrad, Sovetskij pisatel' publ., 1977, 224 p.

3. Rozanov V. V. *Uedinennoe* [Secluded]. Moscow, Politizdat publ., 1990, 541 p.

4. Stepanov Ju. S. *Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i princip prichinnosti* [The alternate world. Discourse. The fact and the principle of causality]. *Jazyk i nauka konca XX veka* [The language and science of the late XX century]. Moscow, RGGU publ., 1995, pp. 35-73.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА АВТОРА В СТАТЬЯХ ЭЛЕКТРОННЫХ ВЕРСИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ *THE GUARDIAN*)

Багринцева Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева 20а, e-mail: bagrintsevaob@gamail.com.

Зобнина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, Астраханский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 414057, Россия, г. Астрахань, ул. Б. Хмельницкого 33/1, e-mail: june2676@yandex.ru.

Файзиева Галина Владимировна, доктор филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева 20а, e-mail: fayzievagv@yandex.ru.

В статье проведено описательное лингвистическое исследование языковых средств создания образа автора в рубриках *Opinion* (Мнение) и *Academics Anonymous* (Анонимные академики) электронной версии газеты *The Guardian*. Доказывается важность создания коммуникативной ситуации, в которой установление обратной связи между автором и читателем напрямую зависит от образа автора, создаваемого посредством соответствующего оформления текста. Образ автора публицистического произведения рассматривается как объединяющий элемент, создающий единство текста. Подчеркивается важность образа автора для реализации главных функций публицистического стиля.

Ключевые слова: образ автора, публицистический стиль, образность, теории образа автора, коммуникативная ситуация, информативная функция, экспрессивная функция, повествование от первого лица, языковые средства выражения